

Близнецы

Наталья Никольская

Под стук колес

«Научная книга»

Никольская Н.

Под стук колес / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Близнецы)

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ

ПОД СТУК КОЛЕС

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ПОЛИНА)

Как хорошо, когда заканчивается рабочий день! Тем более, когда знаешь, что завтра выходной и не нужно рано вставать, собираться, обжигаться кофе, натягивать колготки...

Я ехала домой в своем «Ниссане» из спорткомплекса, и душа моя пела. Сейчас в моей жизни был именно такой период, когда все складывалось благополучно: на работе – сплошные успехи, от клиентов нет отбоя, в сумочке – приличная сумма денег (зарплата плюс благодарность клиенток), со здоровьем – полный порядок, в личной жизни тоже все гладко и спокойно – чего еще желать?

Вот сейчас я приеду домой, приму душ и завалюсь с какой-нибудь легонькой книжечкой на диван. А потом придет мой драгоценный Павел, и остаток вечера пройдет еще прекраснее. Нет, жизнь – определенно замечательная вещь!

Заезжать в магазин я не стала – дома и так всего полно. Я поставила машину в гараж и поднялась к себе. Душ улаживал мое спортивное, тренированное тело в течение получаса. После этого, почувствовав, что с него окончательно смыта вся усталость сегодняшнего рабочего дня, я завернулась в полотенце, вышла из ванной и растянулась на диване. Нет, даже книжку я сегодня читать не стану. Неохота. Даже вставать и лезть на верхние полки стенки, где хранится моя библиотека, мне не хотелось.

Рядом с моим диваном стоит тумбочка. Я пошарила по ней рукой, нащупала старенький «тетрис», который как-то позаимствовала на время у племянников (детей моей сестры Ольги) да так и не отдала, и стала увлеченно нажимать на кнопки, стараясь набрать как можно больше очков.

За этим занятием я не заметила, как пролетело полтора часа. Придется все-таки вставать и готовить что-нибудь вкусное к приходу Павла.

Накинув легкий халат, я прошла в кухню. Заглянула в холодильник, порадовавший меня изобилием разнообразных продуктов, которые он бережно хранил для нас. В который раз я убедилась, что деньги, конечно, не главное в жизни, но без них все же ох как хреново! Об этом как-то не задумываешься, когда они есть, но вот стоит им закончиться... Ладно, не будем о грустном.

Я остановила свой выбор на большой курице Михайловской птицефабрики, которую приобрела вчера в гастрономе внизу (у нас прямо в доме магазин). Курица вытянула на полтора килограмма, значит, ее можно не мельчить, нарезаая кусочками, а зажарить целиком.

«Сегодня курица с лимоном», – всплыла в моей голове фраза из набившей оскомину рекламы. А почему бы нет? Такого я еще не пробовала.

Я достала из холодильника лимон, начинила им курицу и, конечно, добавила «Галлина Бланка». Чтобы уж все как в рекламе.

Курица благополучно переместилась в духовку, а я – опять на диван. Что-то меня сегодня лень обуяла. Набрал две с половиной тысячи очков, я приказала себе остановиться. Хватит! Пора за дело приниматься.

Салат был порезан в считанные секунды, хлеб тоже. Посыпав румяную курицу зеленью, я села у стола, подперев руками щеку, и стала дожидаться того, ради кого готовилось все это объединение.

Павел должен был приехать к семи, а уже без пяти семь. Значит, с минуты на минуту может раздаться звонок в дверь. Он действительно раздался через три минуты, и я побежала открывать.

По расстроенному, убитому лицу моего ненаглядного я поняла, что что-то случилось. Причем очень неприятное. Если не сказать больше. А значит, со спокойной и благополучной жизнью придется распрощаться. Надеюсь, что на время.

Второй признак, по которому я смогла это определить, был еще убедительнее: любимый даже не поцеловал меня! А это уже серьезно.

Я отступила назад, пропуская Павла в квартиру. Пока он снимал кроссовки, я не задала ни единого вопроса. И когда он вымыл руки и прошел в кухню, тоже промолчала. Пусть хоть поест нормально. Но Павлу явно не терпелось поделиться со мной своими переживаниями. Я решила ему помочь и все-таки спросила:

– Что случилось?

– Ох, не спрашивай! – ответил Павел, хотя по его глазам было видно, что он только и ждал, когда я задам этот вопрос, и тут же быстро принялся рассказывать, убедив меня в очередной раз, что все мужчины начисто лишены логики, что бы они там ни кричали про женщин.

– Понимаешь, Витек пропал, – говорил Павел, а лицо его при этом было кислее лимона, засунутого мной в курицу.

– Как пропал? – задала я глупый вопрос, как теперь понимаю. Просто я не ожидала такого. Думала, может, что сперли из магазина, которым заведует мой Павел. Или с налоговой какие неприятности. Но чтобы Витек пропал? В это трудно было поверить.

– Так. Поехал за товаром и не вернулся, – голос Павла становился все более скорбным, а лицо хмурым, что не мешало ему уплетать курицу с огромным аппетитом.

Тут я должна объяснить, что мой Павел Глазунов имеет свой магазин спортивных товаров на проспекте Дружбы, который называется «Чемпион». И регулярно кто-то из его сотрудников или сам Пашка мотались в некоторые близлежащие страны за пополнением товара. Чаще всего этим занимался Витя Антипов, близкий друг моего Павла.

– Когда он должен был приехать? – спросила я.

– Сегодня днем.

– Ну может он просто задержался? Ничего страшного, мало ли что... Такое же не раз бывало? Ты же сам говорил, что эти турки-чурки, или как их там, сообщают, что у них есть то, что вас интересует, а когда человек приезжает, то выясняется, что они вас просто надули и ничего подходящего нет, одно барахло. И приходится ждать, когда появится что-то стоящее из товара или покупать это барахло, чтобы не возвращаться с пустыми руками. Вот Витек и решил подождать.

– Да нет, понимаешь, на этот раз все не так! Он же звонил мне и сказал, что все в порядке. Что он купил все, что нужно и выезжает. Сказал, что сегодня днем будет. Я прождал до вечера, но он так и не появился.

– А домой ты звонил?

– Да. Надя, жена, сама не знает, что и думать. Говорит, извелась вся.

– Может, заехал куда?

– С товаром? Исключено.

– Паш, а он не того? – спросила я, имея в виду, что Витек Антипов просто захотел кинуть Павла.

– Да ты что, да нет, конечно, – замахал руками Павел. – Даже не думай! Зачем ему это?

Витя Антипов был невысоким, крепким парнем тридцати двух лет. Волосы всегда стриг очень коротко. И носил очки. Почему-то именно это обстоятельство заставляло меня относиться к нему с уважением. У меня с детства сложился такой вот стереотип: я считала, что

человек в очках обязательно должен быть интеллигентом. Может быть, дело в моей сестре Ольге, которая носит очки, и интеллигентнее ее трудно найти человека?

А Витя Антипов вообще был весь из себя такой положительный. Доверять ему можно было на сто процентов, это даже я признавала. Но кто знает, ведь люди меняются?

Так я и заявила Пашке.

– Да нет же, Поля, – опять замахал руками мой доверчивый друг. – Этого не может быть.

– Паш, давай оставим эмоции и личные симпатии и постараемся поговорить серьезно. Объясни мне, почему этого не может быть?

– Потому что этого не может быть никогда! – уверенно заявил Павел, еще раз убедив меня в том, что с логикой у него явные проблемы.

– Ну а все-таки? – еще раз спросила я, демонстрируя ангельское терпение вместо того, чтобы гаркнуть на Пашку.

– Понимаешь, он поехал просто подкупить кое-что, а за новой коллекцией должен был ехать недели через три, не раньше. Он и денег-то немного с собой взял, так что ему совсем ни к чему их кроить. Ты не думай, что я совсем такой уж наивный дурак! Я тоже обдумывал вариант кидания, но... Это не тот случай.

– Сколько денег он взял? – спросила я.

Пашка назвал сумму. Да, действительно, сумма не такая большая, чтобы из-за нее такой огород городить. Но и не такая уж маленькая.

– Да мне даже не деньги важно вернуть, пойми! – загорячился снова Пашка. – Я боюсь, что с ним что-нибудь случилось! А в Викторе я уверен, он не стал бы так поступать!

– Слушай, а на каком поезде он должен был приехать? – спросила я.

– На новороссийском.

– А вагон ты не знаешь?

– Да нет, не спросил! Я же не должен был его встречать. Витек сказал, что сам справится.

– Хорошо бы поговорить с проводниками, – задумчиво сказала я. – Узнать хоть, ехал он в том поезде или нет? Раз они приехали сегодня, значит, сменились, и в рейс поедет другая смена.

– Так они уже дома все! Где их искать? Адреса тебе никто не даст. А ждать следующего рейса?

– Подожди, может, они в резерве еще все? Не ушли домой? Ведь им нужно весь вагон вымыть, чтобы чистым сдать, расписаться там в ведомости, то-се...

– Как будто так долго в ведомости расписаться!

– Так чего ж ты сидишь весь день! – рявкнула я на Павла. – Нужно было сразу на вокзал ехать, а не репу чесать!

Павел обиделся и сразу стал соображать лучше.

– Поехали! – буркнул он, вставая с места и запихивая в рот остатки курицы.

Я быстро принялась натягивать на себя спортивный костюм, зашнуровывать кроссовки, отпирать дверь и все это одновременно. По лестнице я просто летела. Павел гроыхал уже где-то внизу.

Черт, угораздило меня поставить машину в гараж! По счастью Павел приехал на своей вишневой «девятке», отправимся на ней.

Павел сел за руль, я успела запрыгнуть на переднее сиденье рядом с ним. Павел нажал на газ, машина взвизгнула и понеслась в сторону железнодорожного вокзала.

Мы оставили машину на стоянке и прошли на первую платформу. Путь до депо как раз должен начинаться с нее. Мы протопали пешком минут двадцать, и перед нашими глазами предстало множество составов. Некоторые из них дожидались своей очереди на мойку, другие уже были как бы вымыты и теперь «сияли чистотой».

Все бы хорошо – вон их сколько, только ответить на наши вопросы они не могли: не дано им владеть речью человеческой.

А живых существ что-то поблизости не было. Я покрутила головой, но так и не обнаружила никого, способного ответить мне, где сейчас находится Новороссийский поезд и остался ли в нем кто-либо из персонала.

– Смотри! – толкнул меня в бок Павел. Я обернулась и увидела выходящую из здания женщину в цветной косынке. Не желая упустить долгожданную добычу, я кинулась к ней. Павел за мной.

– Скажите, пожалуйста, – на бегу крикнула я. – Вы не знаете, где сейчас новороссийский поезд? Мне нужно найти одну проводницу.

– Да на мойку увезли, – ответила женщина.

Так. До мойки чапать далековато.

– А скоро его пригонят? – спросил Павел, который, видимо, прикинул, что идти по измазанным мазутом путям до мойки – не самое лучшее занятие.

– Да долго их там не намывают. Сейчас должны пригнать. А вот начальник ихний идет. Может, он вам скажет, где ваша проводница, – женщина махнула рукой в сторону высокого курчавого мужчины лет тридцати семи, в форме, который неторопливо шел в нашу сторону, и отправилась по своим делам.

– Здравствуйте! – метнулась я к мужчине. – Нам необходимо с вами поговорить. Понимаете, в вашем поезде, возможно, ехал один наш знакомый. И он не вернулся. Мне бы хотелось поговорить с проводниками, чтобы уточнить, действительно ли он ехал в вашем поезде?

– Он что, пропал? – сдвинув черные брови, спросил мужчина.

– Да, – вступил в разговор Павел. – Он звонил мне, говорил, что собирается выехать вашим поездом. Сегодня должен был приехать. И не вернулся.

– Так может, он и не поехал? – спросил мужчина.

– Может быть, – влезла я. – Вот мы и хотим узнать, ехал он или нет.

– А как он выглядел?

Пашка описал Витю как невысокого, крепко сбитого парня с темными волосами. В зеленой толстовке и серых брюках. Я добавила, что у него мужественный подбородок и волевой взгляд. Павел удивленно уставился на меня. Мужчина иронически хмыкнул.

– Понимаете, – сказал он. – Проводники только что из рейса, очень устали. Им вряд ли захочется сейчас разговаривать с вами. Ведь все торопятся домой быстрее.

– Мы на минутку, только фотографию покажем, – сказал Пашка, доставая из кармана карточку, на которой был изображен он сам в компании Вити Антипова и еще одного парня.

– Ну хорошо, – пожал плечами мужчина. – Если они захотят, то что ж... Вон состав как раз гонят, пойдемте. Но если проводники не захотят говорить – тут я пас. Заставить их я не могу.

– Что вы, что вы, спасибо вам большое, – заторопилась я за мужчиной. – А вас, простите, как зовут?

– Колыванов Максим Викторович, начальник поезда, – ответил мужчина, протягивая руку.

Мы дошли до первого вагона, Максим Викторович ухватился за поручни и влез в вагон. Затем он повернулся и протянул мне руку, но я легко запрыгнула сама. Максим Викторович удивленно взглянул на меня, а потом на вскарабкавшегося Павла. Пашка улыбнулся, очень довольный.

– Рая, поговори, пожалуйста, с ребятами, – крикнул Максим Викторович маленькой, сухонькой женщине без возраста, с крошечными глазками на хитрой мордочке. Именно мордочке, а не лице. Проводница первого вагона. Она скатывала простыни, одеяла и наволочки с полок и складывала не очень аккуратной стопкой.

– Вы убираться, что ль? – спросила женщина, вытирая руки непонятно от чего грязной тряпкой. – Так я уж сама вымыла. Сегодня проверками замучили, прямо беда. Пришлось самой отмывать. Вы, ребята, через восемь дней приходите, я как раз их следующего рейса вернусь...

Я знала, что в поездах успешно применяется наемный труд. То есть приходят желающие, чаще всего пожилые женщины, хотя и молодых с ростом безработицы стало немерено, и предлагают за определенную плату вымыть вагон. Вымотанные за время рейса проводники с удовольствием соглашались. Встречаются покладнее, которые мукохаются сами, но в основном у каждого проводника уже есть «своя», проверенная уборщица. Она убирает вагон, получает живые деньги от счастливых проводников и уходит. И все довольны.

Только вот начальство никак не хочет смириться с подобным положением вещей. Ну это понятно, на то оно и начальство: не терпит, чтобы кому-то было хорошо. Поэтому женщин с тряпками постоянно гоняют, а бедных проводников нещадно воспитывают. Чаще материально.

Вот за таких калымщиков и приняла нас проводница Рая.

– Нет-нет, – поспешила я ее разуверить. – Мы совсем по другому поводу. Понимаете, нам нужно знать, не видели ли вы у себя в вагоне одного человека? Он должен был приехать на этом поезде.

Павел вытащил фотографию и протянул Рае, тыкая указательным пальцем в Витю.

– Не знаю я ничего, – сразу же ответила Рая.

– Да вы только посмотрите, – настаивал Павел.

– Нечего мне смотреть. Не знаю я его. В моем вагоне его точно не было.

Но все-таки она была в первую очередь женщина, а только во вторую проводница, потому что все же не удержалась от вопроса:

– А чего, пропал муж, что ль? Загулял поди?

Нет уж, слава богу, от мужа, который мог так загулять, я вовремя избавилась. Я имею в виду Жору Овсянникова, за которого меня угораздило выйти замуж... сколько же лет назад? Если мне сейчас двадцать девять, то прошло уже... не буду говорить, сколько. От этого кажусь себе старше.

– Да нет, просто знакомый.

– Ну, может, другим поездом приедет. Чего раньше времени волноваться?

Мы покивали ради приличия головами и пошли в следующий вагон. Там тоже нам сказали, что Витю Антипова в глаза не видели.

Мы обошли весь состав, но результат оказался нулевым. Похоже, Виктор никуда не уехал. А завис где-то там, в туманной дали. Где ж его искать?

Вид у Павла был совсем плачевный.

– Что же делать, Поля? – твердил он безостановочно. – Что же делать?

– Прекрати ныть! – строго сказала я ему. – Придется подождать. Если в ближайшее время не вернется, то сообщим в милицию. Все. Больше мы ничего сделать не в состоянии.

Павел только вздохнул. Мы вышли из вагона. На улице стоял Максим Викторович в компании молодой светловолосой девушки высокого роста. Начальник поезда что-то увлеченно рассказывал девушке, трясая черными кудрями, она молча кивала в ответ.

Когда мы проходили мимо, он окликнул нас:

– Ну что, узнали что-нибудь?

Мы отрицательно покачали головами.

– Нет. Никто его не видел. Наверное, он не ехал в этом поезде.

– А вы тоже проводница? – спросила я у девушки.

– Да, – ответила та.

– Это наша Даша Курганова, – сказал Максим Викторович. – Со нами в штабном вагоне ездит. Даш, у нас вроде не было этого паренька, да? Взгляни-ка на фотографию.

Павел протянул Даше Кургановой снимок, который уже основательно истрепался, погуляв по натруженным проводничьим рукам.

Даша внимательно посмотрела на карточку. Потом на нас.

– Нет, – покачала она головой. – Не было такого. Это уж точно. У меня на лица память отменная.

– Спасибо вам большое, – грустно ответила я обоим. – Мы пойдем.

– Счастливо! – крикнул нам вслед Максим Викторович Колыванов.

– Что же делать? – в сто пятидесятый раз спросил Павел. Я еле сдержалась, чтобы не выматериться. А когда я злюсь, то решения приходят в мою голову сами собой.

– Поехали к Наде! – гаркнула я.

– К Антиповой? – переспросил Павел.

– Вы поразительно догадливы, мой юный друг! – усмехнулась я. – Именно к ней. Может, она что-либо знает.

– А что она может знать?

– Ну может Виктор говорил ей, что собирается встретиться с кем-то?

– Да не с кем ему там встречаться, кроме торговцев!

– Все равно нужно ехать! – упрямо повторила я, просто потому, что не могла предложить ничего лучшего. Не признаваться же мне, что я просто не знаю, так же как и Павел, что теперь делать.

– Ладно, поехали, – вздохнул Пашка.

Мы по шпалам добрались до вокзала. Пашкины кроссовки от долгого брожения по мазуту из белых превратились в нежно-серые. Он заметил это и выругался.

– Спокойно! – сказала я. – Надо верить в удачу. А это – я указала на кроссовки, – всего лишь мелкие издержки.

Надя Антипова жила со своим мужем и двумя дочками в длинной девятиэтажке на улице Буденного. На первом этаже располагался магазин радиотоваров. Вернее, это раньше он так именовался. Но с развитием в нашей стране рыночных отношений магазин существенно расширил свой ассортимент. И теперь там можно было купить и парфюмерию, и белье, и пирожные, и женские средства гигиены, и напечатать фотографии на заказ. Словом, все, как в каждом уважающем себя универмаге.

Квартира Антиповых под номером двадцать находилась на четвертом этаже. На мелодичный звонок Надя открыла сразу. Увидев нас, она и огорчилась и обрадовалась одновременно.

– Я думала, это Витя, – сказала она, пропуская нас в квартиру, и заплакала. Павел кинулся ее утешать.

– Ну успокойся, Надюша, – говорил он, обнимая Надю за плечи. – Еще ничего не случилось. Надо верить в удачу, – наверное, Пашка всю дорогу повторял сказанные мною слова, потому что теперь утешал ими Надю.

– Господи! – всхлипнула Надя. – Я просто не знаю, что делать. Паш, может, в милицию позвонить?

– Да позвонить нужно, конечно, только вряд ли они станут искать так рано. Скажут, чтобы подождали несколько дней.

– Боже мой! – Надя всплеснула руками. – Да за несколько дней с человеком что хочешь случиться может! Разве можно так?

– Что поделаешь, порядки такие, – вздохнул Павел.

– Я просто рада, что вы зашли, – сказала Надя. – Одной совсем с ума сойти можно. Ой! Да вы садитесь! – спохватилась она. – Я от всего этого просто голову потеряла.

Мы сели на диван, себе Надя придвинула стул. Обстановка у Антиповых была простая, уютная, но не роскошная. Да и откуда взяться роскоши? Магазин, конечно, приносит стабильный доход, но не настолько, чтобы можно было озолотиться с ног до головы.

– Надюша, а дочки где? – спросила я, чтобы переключить Надежду хоть на немножко с мыслей о муже на другие.

– Да к девочке соседской пошли поиграть. Я отпустила, а сама вот теперь сижу и маюсь. Одной совсем тяжело, – она поднесла к глазам платочек.

Надя Антипова была маленькая, черноволосая женщина, ровесница своему мужу. Она отличалась добротой и гостеприимством. Я успела это заметить, еще когда Виктор приглашал нас с Павлом к себе «посидеть за чашкой кофе». Чашкой кофе эти посиделки никогда не ограничивались: Надя вываливала на стол все, что было в холодильнике. А там было много чего. Что-то, а готовила Надюша хорошо.

Не отличаясь яркой, броской внешностью, не блистая интеллектом, она при всем при этом была потрясающей хозяйкой. И Виктор любил свою жену.

По словам Павла, Виктор познакомился с Надей на первом курсе института, и с тех пор они не расставались. Закончив институт, поженились. Вскоре родилась старшая дочь Настенька. А через два года – Аленка.

Я просто поражалась, как люди в теперешних условиях позволяют себе иметь двоих детей, ведь и с одним трудно не знаю как! Да к тому же кроме материальных трудностей есть еще и физические.

Я вспомнила, как маялась моя сестра Ольга с двумя своими малышами, когда они были еще совсем сопливыми: Ольга не спала ночами, вся просто высохла, времени не оставалось не то чтобы сходить куда, а даже почитать журнал! Особенно крикливым был ее сын Артур. Я как-то попробовала пожить у Ольги, сразу после ее родов, но сбежала оттуда уже через три дня, испугавшись, что иначе оглохну. И с тех пор зареклась иметь детей.

А для Нади ее дочки были только в радость. Она не работала, а занималась исключительно ведением домашнего хозяйства. И была не прочь завести еще одного ребенка.

– Сейчас я чаю поставлю, – сказала Надя, вспоминая о своей роли хозяйки в этом доме.

Несмотря на все наши протесты, она ушла в кухню и загремела там посудой. Все ясно. Чай будет по меньшей мере с тортом, печеньем, рогаликами, пирожками с мясом и булочками с повидлом на закуску.

– Пусть отвлечется! – шепнул мне Павел. Мы посидели на диване буквально минут семь, как Надя вернулась с тарелками в руках. Она быстро поставила их на журнальный столик, придвинув его к дивану, и снова исчезла в кухне. И так несколько раз.

Чай получился основательным. Ко всему перечисленному мною добавились еще и пирожные с белковым кремом.

– Витю ждала, – говорила Надя, разливая по чашкам чай, – хотела, чтобы поел как следует с дороги. Сама даже не села еще. Вы ешьте, ешьте...

Я отказалась есть наотрез, пока Надя к нам не присоединится. Она отнекивалась, говоря, что ей кусок в горло не лезет, но я стояла на своем: не стану есть!

Надя вздохнула и принесла себе чашку. Она отломил крохотный кусочек печенья и медленно отпила глоток чаю.

– А скажи, пожалуйста, Надюш, – обратился к ней Павел. – Как себя Виктор вел перед отъездом?

– Нормально вел, как обычно, – ответила Надежда. – Вещи я ему собрала, как всегда.

– Скажи, Надюша, а он не нервничал, не волновался?

– Вы думаете... – с ужасом сказала Надежда, – да нет, что ты, Паша! Неужели ты думаешь... Да нет, ничего такого!

– Я ничего такого не думаю, – поспешил заверить Надю Пашка. – И в мыслях ничего нет против Витьки. Просто в такой ситуации все имеет значение, пойми. Может, какая-то мелочь подскажет, где он задержался? Ну, заехать он к кому собирался или еще что? Может, подарок тебе купить хотел?

– Нет-нет. Ничего не говорил. Ты, наверно, беспокоишься о деньгах... – на ее глаза опять навернулись слезы.

– Вот об этом я беспокоюсь меньше всего, – заверил ее Пашка. Он взял худенькую Надину ручку в свою. – Главное, чтобы Витек нашелся. А ты не волнуйся, я уверен, что ничего страшного...

– Вы пока не уходите, а? – попросила Надежда. – Хотя бы пока дочки вернутся, а то мне одной...

Я подумала, что мы сегодня все равно уже ничего не сумеем сделать, поэтому можно не торопиться, и кивнула Павлу.

– Конечно, мы побудем с тобой, – ласково сказал он Наде.

Вся выпечка была очень вкусной, чай ароматным, поэтому я наслаждалась минутами, проводимыми в доме Антиповых. Вот только повод нас сюда привел невеселый.

Я думала, что мне еще надо бы заехать к Ольге, чтобы навести у нее порядок. Сама Ольга отдыхала на юге, в Адлере, завтра должна была вернуться, мы с Павлом обещали ее встретить. Нужно хотя бы полы у нее вымыть. Но бросать Надю не хотелось. Я прикинула, что в крайнем случае можно завтра встать с утра пораньше и проехать к Ольге.

У Нади мы просидели долго, но кроме того, что Виктор вел себя абсолютно нормально перед поездкой, так ничего и не узнали. Но хотя бы в нашем присутствии бедная женщина хоть немного отвлеклась от грустных мыслей.

Потом вернулись ее девочки, и мы с Павлом откланялись, обещая регулярно звонить и сообщать, если что узнаем. Павел все-таки посоветовал Наде заявить в милицию.

К Ольге, конечно, я уже не попала. Мы поехали ко мне, доели курицу и легли спать.

Правда, уснули мы далеко не сразу после того, как легли. Несмотря на то, что Павел был расстроен, вел он себя просто замечательно. Наверное, вспомнил о том, что не поцеловал меня и решил загладить вину. За отлично выполненную работу я его полностью простила.

ГЛАВА ВТОРАЯ (ОЛЬГА)

Как хорошо ехать в вагоне, смотреть в окно, за которым проносятся леса, рощи, озера и реки. На душе легко и спокойно, как будто уезжаешь от всех проблем. О них совершенно не думается этим солнечным утром.

Никуда не надо спешить хотя бы эти пару дней, пока находишься в поезде. Можно целыми днями валяться на полке и ничего не делать. Я уже валялась со вчерашнего вечера и чувствовала себя превосходно.

Я возвращалась с Черноморского побережья загорелая, отдохнувшая и счастливая. Отпуск прошел великолепно: я вдоволь накупалась, накаталась на водном велосипеде, насмотрелась местных достопримечательностей и вообще много чего увидела и узнала нового.

Три недели ничегонеделания – просто мечта! Вот моя сестра Полина, наверное, уже умирала бы от скуки и рвалась к своим делам, заботам, обязанностям, гимнастическим упражнениям, – а мне хоть бы что! Даже домой возвращаться не хочется.

Правда, дети... Мои малыши, Артур и Лизонька, по которым я успела страшно соскучиться. Да и по Полине.

Мы с Полиной близнецы. Может быть, поэтому между нами так сильна эмоциональная связь. Я думаю, что именно поэтому. Мы просто не можем долго друг без друга. Сколько бы мы ни ругались, ни ссорились, даже дрались иногда, все равно разлука наша не превышает трех-четырех дней. Разве что в исключительных случаях типа нынешнего.

Адлерский поезд нес меня домой, где меня любили и ждали. По приезде можно будет пошалберничать еще несколько дней, и только потом возвращаться к своим обязанностям и клиентам.

Я психолог по профессии и с недавних пор с Полининой подачи работаю на дому. И в этом, кстати, увидела множество преимуществ. Хотя бы в том, что не нужно рано вставать, мучиться в общественном транспорте, тратиться на талончики...

После обеда я несколько заскучала. Попутчики по купе не очень-то жаждали общения. Одним из них был пожилой бородатый мужчина, который всю дорогу спал. Второй – молодой парень, тратящий все дорожное время на чтение журналов, которыми запасся в Адлере. У него была их целая кипа.

А третья попутчица – женщина лет пятидесяти. С ней мы уже наобщались вдоволь. Она успела рассказать мне все о своих детях и внуках: кто в каком возрасте научился ходить и говорить, кто где учился, кто на ком женился и так далее. Так что мне были известны подробности личной жизни каждого члена ее семьи. Сегодня мы обнаружили, что говорить больше не о чем. И женщина ушла бродить по вагону в поисках свободных ушей, чтобы обрушить на них все то, о чем я уже была наслышана.

Тоже, что ли, размяться? Я слезла со своей верхней полки, потянулась и вышла из купе. Мимо прошла молодая темноволосая проводница в короткой черной юбке. Она взглянула на меня и чуть заметно улыбнулась. Я заметила, что она еще вчера поглядывала на меня, но что ее могло привлечь, пока не понимала. Может, у меня нос в чернилах? Я прошла в туалет и посмотрелась в заляпанное зеркало. Да нет, все нормально.

Послonyaвшись без дела туда-сюда, я прошла в вагон-ресторан. Поцокала языком от вида цен на предложенные сказочные блюда и вернулась к себе.

В купе я выпросила у молодого соседа парочку уже прочитанных им журналов и занялась ими. Так прошло время до вечера. Когда журналы были изучены от корки до корки по

несколько раз и я могла наизусть рассказать все, что в них написано, я обнаружила, что руки и ноги мои затекли. Нет, нужно вставать, а то до пролежней можно долежаться.

Я снова сползла вниз и вышла в коридор. Из своего купе выглянула молодая проводница. Чего ей от меня надо? Словно чувствует, что я здесь стою.

– Простите, можно вас на минутку? – с улыбкой спросила вдруг она. Я подошла.

– Я вижу, вы скучаете, – продолжала девушка. – Не хотите составить мне компанию?

– С... с... удовольствием, – подавив удивление, ответила я и прошла в ее купе.

Первое, что бросилось мне в глаза, это бутылка «Столичной» водки, стоявшая на столике. Рядом в вазочке лежали персики и мандарины.

– Садитесь, – предложила девушка. – Меня зовут Марина.

– Очень приятно, Ольга, – представилась я, не понимая еще причины этого гостеприимства.

Неужели по моему лицу можно безошибочно определить, что я не прочь выпить? Боже мой, какой стыд! Да нет, не может быть. Да я и пить совсем не хочу. Даже не думала об этом. Только если эта девушка будет настаивать, выпью чуть-чуть, чтобы поддержать компанию. И все.

– Я слышала, вы психолог, – все так же мило улыбаясь, говорила Марина, открывая бутылку и разливая водку по стаканам.

Интересно, от кого она могла это слышать? Я вроде никому... Ну конечно! Не зря моя словоохотливая попутчица обходила все вагоны! Уж она-то времени даром не теряла! Теперь все пассажиры адлерского поезда в курсе насчет профессий и личной жизни ее попутчиков. А уж с проводницей «своего» вагона она никак не могла не поделиться. Но что все-таки этой девушке от меня нужно? Потенциальная клиентка, что ли?

Вообще-то проводницы не такой народ, чтобы делиться своими переживаниями. Слишком много в их жизни такого, что лучше скрывать. И они к этому привыкают. А может, как раз поэтому она меня позвала? Выговориться захотелось?

– Давайте выпьем с вами за знакомство! – провозгласила Марина, поднимая стаканы.

Что ж, за знакомство грех не выпить. Водка была очень мягкой, пила легко, поэтому я считала нашу встречу удачной.

– Вы знаете, меня всегда очень привлекали люди вашей профессии, – сказала Марина, закусывая душистым персиком. Я тоже взяла один.

– Вы ешьте, ешьте, не стесняйтесь! – воскликнула девушка.

– А вам можно пить на работе-то? – осторожно спросила я.

– Э! – она махнула рукой. – Сейчас можно. Ревизоры прошли. Да они и сами выпить не дураки. Только наливай. Я, знаете, о чем хотела с вами поговорить... Даже не знаю, с чего начать...

– Вы не волнуйтесь, – почувствовав себя на работе, начала я. – Соберитесь с мыслями и расскажите, что вас тревожит.

– Тревожит... Вот именно тревожит. Даже больше, – глаза у девушки вдруг стали совсем грустными. – Просто не знаю, что мне делать... Давайте еще выпьем.

– Давайте! – согласилась я, чувствуя, что поработать сегодня вряд ли получится.

Марина вновь наполнила стаканы.

– До дна! – приказала она.

– Я вообще-то... – застеснялась я.

– Ладно, ладно, – подмигнула мне Марина. Мы снова чокнулись и выпили. Я заметила, что Марина стремительно начала хмелеть.

– Что за жизнь у меня паршивая! – подперев рукой щеку, с тоской сказала она. – Все стараешься, крутишься, вертишься, бьешься как рыба об лед, и тебе за это шиш!

– Вам не нравится ваша работа? – удивленно спросила я. Насколько я знала, работа проводника считается очень доходной и туда так просто не попадешь.

– Нравится! – усмехнулась Марина. – Что здесь может нравиться? Сутками в рейсе, не помыться, не... Зимой печку топишь, угля вечно не хватает. А печки-то какие? Загробишься, пока вагон протопишь! Все ночи возле нее простаиваешь! А уборка? Пока весь вагон отдраишь, семь потов сойдет, а потом комиссия прилупит, тряпочкой пройдет, пыль найдет – и привет! По новой убирайся! Если б не деньги, стала бы я тут работать! Ведь я врачом хотела стать. Да на зарплату врача разве проживешь? Вот и мучаюсь. То ли дело у вас работа: сидишь в тепле, все интеллигентно, с людьми общаешься. Да если б большие деньги, а то... – она махнула рукой. – Ревизорам – отстегни, рэкету – отстегни! Милиции и то отстегни! И что остается? Только думают, что нам деньги тут легко достаются!

Марина налила себе полный стакан водки, совершенно забыв про меня. После этого стакана глаза ее помутнели, а язык начал заплетаться.

– Вот скажи мне, – цепляя меня за рукав и заглядывая прямо в глаза, произнесла она, – разве я несправедливо говорю? Разве я не заслуживаю? А он, сволочь поганая! Я для него... – Марина уронила голову на руки и заплакала.

Я испугалась.

– Успокойтесь, Марина, прошу вас! Возьмите себя в руки. Кто он? Я ничего не понимаю!

– Он... Сволочь он, вот кто!

Марина выплеснула себе всю оставшуюся в бутылке водку и залпом выпила. Я покачала головой. Нельзя же так, в самом деле!

– Что у вас случилось, может, расскажете?

– Да что рассказывать? Все ясно! Убьют меня скоро! – и плечи Марины затряслись.

– Ох, да что вы такое говорите? Вам нужно прийти в себя, успокоиться, вы просто устали. Хотите, я научу вас, как проводить аутотренинг?

– Хочу! – подняла Марина зареванное лицо. – Только мне не аутотренинг нужен, он мне не поможет. А вот не могла бы ты... ну, научить, как мне поступить, чтобы ничего не случилось? Я тебе заплачу, не сомневайся! Это уж я так, а деньги-то у меня есть, не думай!

Так-так. Расслабилась, на ты перешла. Вот и про денежки вспомнила. Значит, не так уж и бедствуешь ты, девочка. А то – работа плохая! Все вы ее ругаете, жалуетесь, а только добровольно что-то никто не ушел! И вот ведь женская натура – ревет-ревет, а похвастаться не забывает, что деньги водятся.

– Но для того, чтобы вам помочь, мне нужно знать всю ситуацию, – сказала я.

– Я расскажу. Все расскажу. Только не сейчас, потом. Слушай, давай завтра, а? Я быстро смену сдам и освобожусь. И сама к тебе приеду или ты ко мне заезжай. Как тебе удобнее? Слушай, подай-ка мне сигареты, вон там, в олимпийке, в кармане.

Я полезла в синюю олимпийку, висевшую за моей спиной, достала пачку сигарет и протянула Марине. Она долго пыталась прикурить дрожащими руками, ломала спички одну за другой. Наконец, ей это удалось, и она жадно затянулась.

– Чо, пусто, что ли? – взяла на руки бутылку из-под водки. – Сиди, я щас сгоняю! – Она поднялась, но вдруг покачнулась и плюхнулась обратно на полку, ухватившись рукой за край столика. – Твою мать! – выругалась она.

Я подумала, что в начале нашей встречи Марина пыталась соблюдать некоторую интеллигентность, но теперь совершенно забыла об этом. А может, ей просто стало наплевать, что о ней подумают. Короче, она стала сама собой.

– Слушай, я тут посижу пока, а ты сгоняй за бутылкой, – она потянулась к олимпийке, где, по-видимому, хранила деньги. Но достала из нее совсем не деньги. Это был коробочек спичек. Я думала, что Марина опять хочет закурить, но когда она открыла коробок, увидела,

что там и не спички вовсе. Я не очень хорошо разбираюсь в этих делах, но сразу поняла, что это анаша. Только этого мне не хватало! Все, надо валить отсюда.

– Вы знаете, я думаю, что вам лучше больше не пить, – ответила я. – Поздно уже. Все равно мы сегодня ни о чем не договоримся, – работать с пьяным клиентом – последнее дело. Это уж я точно знаю.

– Чо, не хочешь? – Марина икнула. – Ладно. Только ты мне помоги, а? Поможешь? – Она вцепилась в мою руку и снова пыталась заглянуть в глаза, обдавая меня перегаром.

– Помогу, помогу, – успокоила я ее, пытаюсь высвободиться. Я была уверена, что назавтра Марина и не вспомнит о нашем разговоре. А если и вспомнит, то не придаст ему значения. Скорее всего, она просто перепила, и ей захотелось, чтобы кто-то ее пожалел. Вот и выдумывает страшные истории, будто ей что-то угрожает. Завтра все это пройдет.

Я пятилась к двери.

– Подожди, подожди, – держала меня Марина. – Так мы точно договорились? Заметано? Смотри, не передумай! Слушай, – она выпустила мою руку, – я сейчас тебе денег дам. Чтобы все было точно. Чтоб ты не передумала.

– Не надо! – испугалась я. – Я не беру деньги вперед, только в конце работы!

– Нет, – не уступала Марина. – Ты думаешь, я гоню, да? Ничего подобного! Я щас! Ты погоди.

Марина достала с верхней полки форменный пиджак, порылась в кармане и вынула деньги. Они были смятые, разные купюры вперемешку. Наверное, калым. Марина вытянула из этой кучи одну самую крупную купюру и протянула мне.

– Держи!

Купюра по своему достоинству была приличной. Столько я никогда не беру за сеанс. Обычно я прошу раз в десять меньше, да и то всегда ужасно стесняюсь, словно милостыню выпрашиваю. Да еще неизвестно, может, ей и сеанс никакой не требуется. Так, блажь просто.

Марина совала мне деньги, я сопротивлялась.

– Бери, бери! – шипела она. – Чтобы все заметано было!

Я нехотя взяла купюру, думая о том, что завтра верну ее протрезвевшей девушке.

– Спокойной ночи! – крикнула я ей и поспешила в свое купе.

Фу-у-ух! Нет уж, не нужны мне такие посиделки. Черт меня понес туда! Теперь еще завтра деньги отдавать. Как подойти-то? Неудобно. Ей наверняка будет стыдно за сегодняшнее поведение. Хотя чего там стыдиться? Работа, действительно, собачья. Я не буду ей ни о чем напоминать. Просто подойду и отдам деньги. С этими мыслями я и уснула.

Наутро оказалось, что Марине нисколько не стыдно. Более того, она не забыла о вчерашнем разговоре. Утром приведшая себя в божеский вид проводница бодро шныряла по вагону, заглядывая в каждое купе и сообщая, что подъезжаем через полтора часа.

Увидев меня, она подмигнула заговорщицки. Я вышла в коридор.

– Вот мой адрес, – сунула она мне в руку записку и скрылась. Я осталась стоять в коридоре. Черт! Она что, забыла про деньги? Или все-таки считает, что я должна их взять? Но ведь мне пока не за что их брать! Как же их вернуть? Больше я не смогла поймать Марину в момент, когда она одна. Все время около нее кто-нибудь терся.

Я вернулась к себе и стала потихоньку собираться. Скоро подъедем, нужно быть готовой.

Поезд подошел к тарасовскому перрону минута в минуту по расписанию. Я подивилась про себя такому, взяла багаж и поспешила к выходу.

Встречали меня Полина с Павлом. Кирилл, мой бывший муж, с которым в последнее время мы снова начали жить вместе, уехал в командировку по своим коммерческим делам.

Павел взял у меня вещи, Полина кинулась мне на шею, зацеловала и принялась расспрашивать про отдых на море, задавая сразу целую кучу вопросов.

Я не успевала и целовать ее и отвечать на них. Наконец, Полина отпустила меня и отошла на шаг.

– Загорела-то как! – восхищенно произнесла она. – Паш, ты только посмотри! Ольгу-то прямо не узнать.

– Отлично выглядишь, – улыбнувшись, сказал Павел.

– Ну, пойдемте, – потащила нас за собой Полина.

Мы прошли в машину Павла и поехали ко мне.

– Детей я брала в прошлые выходные, – сообщала мне тем временем Полина, – а Ираида Сергеевна брала в позапрошлые. А так они все время у бабушки.

Ираида Сергеевна – это наша мама. Но почему Полина называет ее по имени-отчеству – это отдельный разговор.

Дело в том, что мама никогда не была для нас близким человеком. Таким человеком была для нас бабушка, Евгения Михайловна, у которой мы и воспитывались. А мама как увлеклась со времени развода с отцом устройством своей личной жизни, так и продолжает до сих пор.

Ее контингент – молодые мальчики от двадцати до тридцати, рост от метр восемьдесят, сложение спортивное, профессия – альфонс. Ну, не всегда, конечно. Надо признать, среди них попадаются и нормальные ребята. И, честно говоря, мы с Полиной подходили бы им куда лучше, чем мамаша. Ну, это я так, конечно, не хватало еще с мамой соперничать.

Хотя Ираида Сергеевна выглядит очень хорошо, дай бог каждому так выглядеть в пятьдесят лет. На замужество никогда не претендует – потратив на эти попытки лучшие годы, она оставила их. Устала от их бесплодности. А опытом в общении с мужским полом бог ее не обделил. Кто ж откажется? Вот и меняются мальчики раз за разом. Они даже с моими детьми сидят. И отношения с ними налаживают лучше, чем сама Ираида Сергеевна.

Я давно перестала обижаться на маму. Пусть живет, как ей нравится. Только бы не трогала. И не читала нотаций. По счастью, мама редко устаивает нас своими визитами, и скандалы случаются не так уж часто, только когда мама совсем лишится энергии, и ей необходимо будет ее восполнить. А черпает она ее именно из скандалов. Прямо вампир энергетический.

Я не раз говорила об этом Полине, но она говорит, что не верит в вампиров. Даже в энергетических. Но зовет маму строго на «вы» и по имени-отчеству. Нет, в глаза, конечно, мама, но все равно на «вы».

– Ты сегодня, наверное, не поедешь туда, – продолжала тем временем Поля. – тебе же выпасться надо, искупаться, отдохнуть с дороги. А дети тебе разве дадут? Завтра и забереешь их. Я за тобой заеду и вместе смотаемся к бабушке.

– Хорошо, – согласилась я, радуясь, что еще денек побуду одна.

Я заметила, что Павел, обычно веселый и разговорчивый, на этот раз все время хмурится и молчит. Но спрашивать о причинах этого посчитала неудобным.

Когда мы подъехали к моему дому, Полина вышла из машины следом за мной.

– Паша, ты в магазин? – спросила она.

– Да, – откликнулся Павел.

– Ну езжай, а я у Ольги побуду. Вечером жду тебя как обычно.

– Хорошо, – сказал Павел и умчался.

Мы поднялись ко мне. Я увидела, что в квартире чисто и прибрано. Наверняка Полина постаралась.

– Спасибо, Поленька, – ласково сказала я сестре. Нет, все-таки это очень хорошо – иметь сестру. Тем более такую замечательную, как Полина.

– Это я сегодня утром заехала, – сообщила Поля. – Вчера совсем некогда было. Понимаешь, тут... – Полина запнулась. – Ладно, потом расскажу. Лучше ты давай делись впечатлениями.

Я от души принялась расписывать свои приключения, а поделиться было чем.

Полина охала и ахала, цокала языком, качала головой, поднимала брови. Я видела, что она от души радуется за меня.

Когда весь запас впечатлений иссяк, я перевела дух. В комнате сразу стало необычайно тихо. Так всегда бывает, когда о чем-то оживленно беседуешь, а потом вдруг резко замолкаешь.

– В общем, я очень довольна, – произнесла я, чтобы сделать какое-нибудь заключение.

– А я довольна, что ты довольна. Нет, все-таки море есть море. Надо будет обязательно Пашку туда вытянуть.

– А кстати, что это с Павлом? – спросила я. – Что-то он сегодня мрачнее тучи. Что-нибудь случилось?

– Ох, случилось! – вздохнув, сказала Полина. – Представляешь, Витек Антипов пропал. Витька Антипова я никогда не видела, но была наслышана о нем от Полины.

– Да что ты! – всплеснула я руками. – Как же это случилось?

– Вот так. Уехал за товаром и не вернулся.

– А вы искать не пробовали?

– С проводниками потолковали с поезда, на котором он должен был вернуться, никто его не видел.

– Выходит, он там остался? – спросила я.

– Зачем? Он звонил Пашке, сказал, что приедет.

– Что же делать? – задумалась я. – Поль, а почему бы тебе Жору не попросить помочь? Хотя бы неофициально?

– Я и так уже надоела Жоре, – отмахнулась Полина.

– Ты надоела Жоре? Не говори глупостей. Ты не можешь ему надоесть!

Жора Овсянников, бывший муж Полины, работал старшим следователем УВД Тарасова. И неоднократно оказывал нам с Полиной посильную помощь, когда мы или наши знакомые попадали в неприятные ситуации.

Полина развелась с ним несколько лет назад из-за непомерной Жориной коммуникбельности. В смысле кобель он был по отношению к кому ни попадя. Это Полина придумала такой термин.

С тех пор Жора рвет на себе волосы, кляня последними словами, так как продолжает любить Полину. И в надежде, что она когда-нибудь сменит гнев на милость, совершает ради нее глупость за глупостью. Просто разум теряет при виде бывшей жены. Хотя в принципе Жора – совершенно нормальный человек. И даже очень обаятельный. Ему бы с Полиной поменьше общаться.

– Ну может, и позвоню, если ничего другого не останется, – согласилась Полина. – А ты когда к работе вернешься? Клиенты твои не позабыли тебя, пока ты отсутствовала?

– Да не должны, – ответила я и вспомнила проводницу Марину.

– Ты знаешь, – сказала я с улыбкой, – я умудрилась в поезде занять себе новую клиентку. Довольно своеобразную. Правда, не знаю, что из этого выйдет.

– Расскажи! – сейчас же потребовала Полина.

Я рассказала о встрече с черноволосой проводницей, умолчав о том, что принимала участие в распитии водки.

– Ты можешь вообще к ней не ехать, если не хочешь, – ответила Полина, выслушав меня.

– Да как не ехать? Она же дала мне деньги, теперь я как бы обязана ей помочь.

– Ничего ты не обязана! – отмахнулась Полина. – Ты же только на дому у себя принимаешь.

– Но я не успела ей этого сказать! Она была в таком состоянии, что совершенно меня не слушала. Придется все-таки съездить к ней, убедиться, что все у нее в порядке и вернуть деньги. Взять себе немного за визит и все.

– Ты ненормальная, – констатировала Полина. – Раз дали, бери, и нечего выдумывать.

– Но к ней я все-таки съезжу, – ответила я.

– Как хочешь, – пожала плечами Полина.

Она посидела еще с полчасика и ушла. Я прошла в ванную, чтобы помыться, наконец, с дороги. Как хорошо стоять под теплыми струями воды, чувствуя, как очищается твое тело, насыщается влагой и свежестью!

Я очень долго терлась мочалкой, потом мыла голову три раза, шкрябала пемзой пятки, загрубевшие на морском берегу, затем смазала волосы бальзамом, а тело ароматическим маслом, ощутив, какой нежной и бархатистой стала моя кожа, после чего покинула ванную.

Я прошла в комнату и опустилась на постель, хрустящую свежим бельем, и в который раз убедилась, что жизнь – замечательная штука!

Я провалялась просто так несколько минут, потом заставила себя подняться и высушить феном волосы.

Потом я подумала о еде. Зная Полину, невозможно было представить, что она оставит меня без обеда. Я полезла в холодильник. Точно! И борщ, и котлеты, и салат из свежих огурцов и помидоров. Полина, как же я тебя люблю!

Наевшись, я вдруг вспомнила, что в моей жизни есть какой-то неприятный момент. У меня так часто бывает: вроде кажется, что все хорошо, но тем не менее ощущаешь присутствие чего-то негативного. Что на этот раз меня тихонько точит изнутри?

Неужели необходимость разобрать вещи? Нет, конечно, из-за такой ерунды мое сердце не стало бы ныть. Но что тогда?

Я задумалась. Ну конечно, это разговор с проводницей Мариной и необходимость ехать к ней домой! А ехать придется, потому как денежная купюра – вот она, в кошельке лежит, и никуда от нее не денешься. Но мне почему-то не хотелось встречаться снова с этой девушкой. Какой-то неприятный осадок остался после общения с ней.

Но настроение мое в тот день было настолько хорошим, что я решила покончить с этим одним махом. Вот прямо сейчас соберусь и съезжу к ней. Чтобы больше не возвращаться к этому.

Приняв такое решение, я побежала собираться. Вещи из чемодана так и не стала доставать. Потом, успеется. Сейчас найду что-нибудь из того, что я не брала с собой.

Когда я залезла в шкаф, то просто обомлела: я не узнала свой гардероб. Аккуратные стопки белья, все отглажено, лежит ровненько. Опять Полина постаралась, спасибо ей огромное. Что же мне надеть?

Я стала рыться на полках. Странное дело! После наведенного Полиной так называемого порядка я ничего не могла найти! Я настолько привыкла к тому, что сунув руку в бесформенную кучу в шкафу, я на ощупь безошибочно нахожу все, что мне нужно, что теперь не знаю, как мне быть? Где, например, моя бежевая блузка? Попробуй найди ее!

Я приподняла одну стопку. Правый край ее сразу же съехал вниз. Я принялась осторожно записывать его обратно, изо всех сил стараясь не нарушить симметрию, но тут сполз левый край. Тогда я просто закатала всю стопку обратно трубочкой и приступила к следующей полке. То же самое! Проклятое белье совсем не хотело меня слушаться.

Обозлившись, я обеими руками переверорошила в кишмиш все, что лежало на полках, потом отступила на шаг и осталась очень довольна своими действиями. Вот теперь это мой шкаф! Родной! И главное, блузка сразу же нашлась. И юбка.

Теперь нужно отыскать белые туфли. Я огляделась. Раньше я просто заглянула бы под кровать. Если бы туфель там не оказалось, то прошла бы в кухню и посмотрела под столом. Потом обшарила бы кресла. Потом ванную. И вот так путем исключения быстренько обнаружила бы свои туфли. Но разве после Полины можно что-то найти?!?

Все мои вещи куда-то подевались. Раньше они лежали по всей комнате, радуя глаз, и я запросто находило нужные. Потому что они сто раз на день попадались мне на глаза. А теперь все выглядит так, словно у меня и вещей-то нет. Все как-то... прилизано, вот как!

Тут я заметила, что Полина к тому же выбросила букет колосьев, который стоял у меня в вазочке уже много лет и абсолютно никому не мешал! Если, конечно, вовремя собирать мусор, который с него сыпался на полированную тумбочку. Я иногда забывала это делать, ну и что теперь? Ну, Полина! Ну, помощница! Сейчас я ей позвоню и все выскажу! И про туфли, и про букет.

Я набрала Полинин номер, но мне никто не ответил. В чем же мне теперь идти?

Я прошла в коридор и в углу увидела старенькие босоножки, которые каким-то чудом не заметила Поля и не поспешила убрать. Я их не надевала уже сто лет, но в данный момент другой альтернативы не было. Вздыхнув глубоко и печально, я влезла в босоножки, схватила сумку и быстро вышла из квартиры, чтобы не раздражаться еще больше.

Шагая на троллейбусную остановку, я обнаружила, что даже не знаю, куда мне предстоит ехать. Остановившись, я пошарила рукой в сумке и извлекла из нее листочек, который дала мне сегодня утром Марина. «Соколова, пятьдесят три, кв. восемь», – было написано на листке.

Так. Чудесно! Соколова – это же на другом конце города! Ну Марина! Повернувшись, я пошла на другую остановку, на ту, где останавливается автобус номер сто двадцать восемь. Именно на нем и можно добраться до Соколовой.

Вскоре он подошел, я влезла и ухватилась за верхние поручни. Занять сиденье в этот момент было несбыточной мечтой. Поручни были расположены необычно высоко, я с трудом до них доставала, поэтому почти висела. Провисев так около получаса я услышала, как водитель произнес что-то отдаленно похожее на «Соколова» и стала протискиваться к выходу в надежде, что он назвал все же нужную мне остановку. Мне пришлось верить ему на слово, так как выглянуть в окно и проверить, где нахожусь, я не могла: оно было сокрыто от меня множеством спин.

Наконец, я спрыгнула на землю, зацепившись напоследок ремешком босоножки за какой-то штырь на ступеньке. Двери уже закрывались, я отчаянно дернула ногой, ремешочек треснул, но зато я уберегла свою ногу от перелома.

Прихрамывая, я пошла от остановки направо. Там тянулись частные дома вперемежку с пятиэтажками. Шла я долго. Мерзкие босоножки тут же натерли мозоли на обеих ногах. Теперь, наверно, я буду хромать ровно.

Я еле-еле добрела до какого-то небольшого скверика, углядела в глубине его скамейки, дохромала до ближайшей из них и плюхнулась на нее. Так подло обошедшиеся со мной босоножки я с наслаждением скинула с ног. Вот когда я поняла, что такое счастье!

Я упивалась счастьем недолго: минут пятнадцать всего. Потом подумала, что нужно двигаться дальше, иначе я просижу здесь до утра.

Руки мои никак не хотели натягивать на истерзанные ноги босоножки, ну просто никак. Поэтому я решилась на отчаянный шаг: пошла босиком, а босоножки несла в руках. На недоуменные взгляды прохожих мне было глубоко наплевать. Если кто-то меня осудит, пусть попробует пройти в тесной обуви с кровавыми мозолями на пятках, и он тоже пошлет к черту все приличия. Как все-таки хорошо жилось первобытным людям: они не страдали от мозолей, подаренных неудобной обувью. Вот они, издержки цивилизации!

Я шлепала мимо домов, домиков и домишек, отыскивая близорукими глазами номер пятьдесят три. Тридцать семь, тридцать девять, сорок один... Сколько же их еще предстоит пройти?

Наконец, мой глаз порадовало число пятьдесят три, крупно намалеванное на стене пятиэтажного дома. Восьмая квартира – это явно первый подъезд. И второй или третий этаж. Хорошо, невысоко.

Квартира номер восемь находилась на третьем этаже. Только возле нее почему-то стояла толпа народа. И еще милиция. Это я заметила, едва миновала второй этаж.

Сердце мое дрогнуло от нехорошего предчувствия. Совсем забыв, что я босиком и выгляжу по меньшей мере нелепо, я поднялась на третий этаж и подошла к кучке любопытных старушек.

– Что случилось? – шепотом спросила я у одной из них.

– Женщину убили, – так же шепотом ответила она мне. – Молодую совсем.

– Кого? – снова спросила я в слабой надежде, что все-таки не Марину.

– Марину Левкину, проводницу, – уточнила бабулька. – А ты что ее, знала, что ли?

– Кто? Я? – переспросила я, – нет, что вы. Я совсем не сюда. Я... наверх. Я лучше в другой раз зайду, раз такое дело.

Я быстро сбежала вниз, нацепила босоножки и помчалась на остановку, не замечая боли в истертых ногах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (ПОЛИНА)

Я вышла от Ольги и уже собиралась ехать домой, но мне не давало покоя ощущение бездействия. Мне не хотелось сидеть дома, подперев голову руками и дожидаться новостей. А если их не будет, новостей?

Поэтому я вспомнила об Ольгином совете обратиться к Жоре и влезла в троллейбус, который довез меня до управления. Поднявшись на второй этаж, где располагался кабинет моего бывшего мужа, я остановилась, достала из сумочки зеркало и критически осмотрела себя. Нужно появиться перед Жорой во всей красе, чтобы его сердечко затрепетало, и он согласился мне помочь. Честно говоря, я осталась вполне довольна своим внешним видом.

Сегодня я не стала наряжаться в привычный спортивный костюм, а надела ярко-красный пиджак и такую же юбку. Блузку под низ надевать не стала. Вырез пиджака обнажал как раз то, что надо, совсем чуть-чуть, оставляя за наблюдающим за мной право догадывать, что там под ним.

Я подправила контур губ косметическим карандашом и уверенно толкнула дверь в кабинет. Увидев меня, всю такую яркую и красивую, Жора чуть не подпрыгнул. Потом встал со своего стула, подошел ко мне и поцеловал руку.

– Как я рад тебя видеть, Полинушка, – произнес он, обнимая меня за плечи. – Выглядишь, как всегда, великолепно.

– Стараюсь, – скромно ответила я.

– Для меня? – воодушевился Жора.

– Не совсем, – честно ответила я.

– Ах да, – грустит Жора, видимо, вспомнив про Павла. – А я думал...

– Надеюсь, что мы расстались, да? – начала заводится я, хотя этого бы лучше не делать.

– Ну что ты говоришь! Почему ты всегда приписываешь мне что-то нелицеприятное? Наоборот, я очень рад за вас!

– Знаю я, как ты рад, – отмахнулась я. – Так вот и докажи мне, что говоришь правду, – я решила перейти к главному.

– Как? – спросил Жора.

– Понимаешь, у Павла друг пропал. Поехал за товаром и не вернулся. Хотя звонил и сказал, на каком поезде приедет. Ты бы не мог заняться этим делом? Хотя бы неофициально?

– Да я могу и официально. Давайте заявление. Когда он пропал?

– Вчера должен был вернуться. А заявление не примут, скажут, что должно дня три пройти. Да и что, милиционеры в Турцию поедут?

– А ты думаешь, что я поеду? – удивленно поднял брови Жора.

Да, видимо, я себя немного переоценила. Жора не поедет ради меня в Турцию. Вернее, ради меня-то он, скорее всего, поехал бы хоть в Мухосрань, но вот в Турцию ради Витька Антипова – нет. Недостойная, по его мнению, это мне замена оказалась..

– Но как-то ведь надо человека искать!

– Обязательно. Давай, говори имя-фамилию этого друга, все, что тебе известно, я постараюсь помочь. Кстати, а ты уверена, что он именно там завис? Может, его уже в Тарасове кто-то перехватил?

– Мы разговаривали с проводниками, они сказали, что не видели такого...

– Ну знаешь, это еще ничего не доказывает. Ладно, я постараюсь сделать все, что смогу. Только что мне за это будет?

Я укоризненно посмотрела на Жору. Он понял мой взгляд и опустил глаза. И понял, что ничего ему за это не будет: ни сапог, ни телогрейки, ни коня. А уж меня – и подавно.

Жора еще сделал несколько попыток договориться со мной насчет встречи вечером, но я вежливо отказала. Дел, говорю, у меня по горло. После этого я покинула его кабинет.

Странное дело, раньше я с огромным трудом заставляла себя обратиться за помощью к Жоре, но после того, как он оказался мне полезным несколько раз, это вошло в привычку. Иногда Жоре даже воздавалось за это. А потом появился Павел, и Жора несколько ослабил свои попытки соблазнить меня. Так что отделиваться от него, когда он переставал быть мне нужным, стало намного легче. А раньше...

Я вышла на улицу и задумалась о том, что мне делать дальше. На работу сегодня идти не нужно: свободный день. Но домой ехать тоже не хотелось: торчать одной в пустой квартире? Я было подумала снова заявиться к Ольге и даже позвонила ей из автомата, но у нее никто не отвечал. Странно, куда это она срулила? Ольгу же из дома не вытянешь, тем более с дороги. Поди дрыхнет во всю дурь.

Я потопталась-потопталась и решила все-таки проехать на работу. Хотя с коллегами пообщаюсь да потренируюсь в спортзале для себя. Все веселее.

Я вскочила в троллейбус, который уже готов был захлопнуть все свои двери, и он понес меня к спорткомплексу. Народу в этот день там было мало.

Я заглянула в кабинет Айрапта Варджаняна, нашего директора, потрепалась о том-о сем с его женой Роксаной и собралась в спортзал.

Накувыркавшись там вдоволь, я спустилась в холл и прошествовала в зимний сад, чтобы спокойно посидеть там и передохнуть. Не успела я устроиться в кресле с журналом в руках, как передо мной выросла высоченная фигура Любки-баскетболистки. Любка работала вместе со мной в спорткомплексе, вела занятия по баскетболу. Да это и понятно: чем еще заниматься при таком росте? Я тоже не маленькая, но сто девяносто сантиметров – это, извините, чересчур. Мне вполне хватает моих ста семидесяти двух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.